

Айнель Мешадиева
НАНА, Института Языкознания имени Насими,
Доктор философии по филологическим наукам, доцент
aynel.meshadiyeva@mail.ru
УДК 811.512.1

**Историческое развитие некоторых деепричастных аффиксов
прошедшего времени в тюркских языках и диалектах**

Ключевые слова: Историческое развитие, деепричастный аффикс на *-gach/-gech*, прошедшее время, тюркские языки, диалект, сравнительный метод.

Açar sözlər: Tarixi inkişaf, *-qaç/-qeç* şəkilçili feili-bağlama, keçmiş zaman, türk dilləri, dialekt, müqayisəli metod.

Keywords: Historical development, past tense adverbial participle affix ending in *-gach/-gech*, Past Tense, Turkic languages, dialect, comparative method.

Известно, что посредством сравнительного метода выявляются общие и дифференциальные черты сравниваемых языков и изучается история формирования и развития родственных языков в разных исторических этапах.

При изучении тюркских языков и их диалектов сравнительно-исторический метод считается основным методом. Сравнительное исследование различных тюркских языков является довольно важной задачей современной тюркологии. Необходимость данного исследования, в первую очередь, диктуется тем, что лишь посредством сравнительного метода можно более глубоко проникнуть в суть языковых фактов и их связей.

В данной статье нами предпринята попытка изучить историческое развитие деепричастного аффикса прошедшего времени на *-gach/-gech* в тюркских языках и их диалектах, а также выявить фонетические, морфологические, синтаксические особенности и этимологию данного деепричастия.

Тюркские деепричастия представляет собой важнейшую грамматическую категорию и преимущественно, выражают допол-

нительное, зависимое действие, характеризующее обстоятельственный признак главного действия, а также обозначают действие, одновременное, последующее или предшествующее с действием главного глагола – сказуемого.

Наряду с этим, тюркские деепричастия образуют аналитические формы глагольного вида в сочетании с другими глаголами или вспомогательными глаголами, принимают участие в создании аналитических глаголов, выражающих различные оттенки модальности действия, а также являются средством связи придаточных предложений в составе сложных предложений.

Основные признаки тюркских деепричастных форм были освещены в научных исследованиях тюркологов В.Г. Алиева [2], Б. А. Серебрянникова, Н. З. Гаджиева [20], Д. Г.Тумашевой [25], Ф.Хисамовой [28], А.Э. Мешадиевой [12, 13], Ф. Ю. Юсупова [29] и др.

В тюркских языках деепричастная форма на *-gach/-geç* характеризуется как общими, так и отличительными признаками.

Впервые деепричастный аффикс на *-gach/-geç* был зарегистрирован в хорезмско-тюркском (среднетюркском, XIII-XIV вв.) и чагатайском языках (XIII-XIV вв.): *yir öpgäç aydı (HŞ 11v:15) – как только поцеловал землю, сказал [30], hecring karanggusida giriftâr egeç köngül, könglüm évini pür-şerer étting ‘aceb ‘aceb (G Div.104b:6) – Моя душа будучи пленницей тьмы разлуки с тобой, окуталась пламенем [32, с.131].*

В известном письменном памятнике старокыпчакского языка начала XIV в. (1303 г.) *Кодексе Куманикусе* (Словарь кыпчакских языков) деепричастие на *-gach/-geç* передавало значение деепричастий на *-ынджа, -икен* (как только, когда): *anlar egeç (130,I,14) – как только понял [30, с.97].*

Как известно, деепричастная форма на *-gach/-geç* встречается в татарском, башкирском, узбекском, уйгурском, тувинском, крымско-татарском, караимском, сарыуйгурском языках. В тюркских языках огузской группы и древнетюркском языке эта форма не зарегистрирована.

Несмотря на это, в Дрезденском экземпляре рукописи героического эпоса огузов *Китаби Деде Коркут* наблюдается использование деепричастного аффикса *-gach/-geç* с глаголом *-di* и передает значение - как только, когда: *digeç (D 19,13) – как только сказал и т.д. [33].*

Следует отметить, что деепричастная форма прошедшего времени на *-gach/-gech* зарегистрирована также в произведениях выдающегося азербайджанского поэта 16 века Физули.

Рассмотрим примеры: *Değildim ben sana mâ'il sen ettin aklımı zâ'il / Bana ta'n eyleyen gâfil seni görgeç utanmazmı* – как только увидев [31].

По мнению некоторых тюркологов, деепричастная форма на *-gach/-gech* имеет позднее происхождение.

«В языке орхоно-енисейских памятников, как отмечает Л.М.Хасанова, она не встречается. Что может свидетельствовать об относительно позднем ее возникновении» [27, с.8].

В тюркологической литературе существуют различные гипотезы относительно этимологии деепричастного аффикса прошедшего времени на *-gach/-gech*.

Форма на *-gach/-gech* сопоставлялась Г.И. Рамstedтом с деепричастным аффиксом прошедшего времени *-gad* в монгольском языке и рассматривал его в качестве сложного аффикса, состоящего из двух элементов [35].

Аффикс *gach/-gech*, по воззрению А.Н. Кононова, образовался из аффикса *-yan*, к которому присоединилось слово *çaq* – время [6, с. 148].

В отличие от других деепричастий, форма на *-gach/-gech* в татарском языке образуется от любой глагольной основы. Эта форма в татарском языке передает значение действия, непосредственно предшествующего действию другого глагола. Деепричастие на *-gach/-gech* принимает усилительную частицу *-ta/mə, da/də*, которая придает данной форме значение непосредственного предшествования другому действию.

Приведем примеры: *күргәч әйтү* – увидев, сказать; *әйткәч тә анлау* – понять сразу, как было сказано и т.д. [22, с.229].

Исследуемая деепричастная форма в татарском языке выражает также причинно-следственные отношения (1) и условия для выполнения другого действия (2): *Газизә апа, чыгып, Габдулланы дәште. Жавап булмагач, ул да аны эзли башлады* – Газиза апа вышла и позвала Габдуллу. Не получив, ответа, она пошла его искать(1); *Эшләгәч, намус белән эшләргә кирәк, дип кырт кисә(2)* – Если работаешь, нужно работать по совести, - говорит он резко [22, с. 229-230].

В татарском языке отрицательная форма на *-гач/-гәч* образуется посредством отрицательного аффикса на *-ма/мә*: *эшләгәч – эшләмәгәч - работая – не работая*.

Деепричастие на *-гач/-гәч* в отдельных диалектах татарского языка принимает аффиксы исходного падежа *-тан/-тән*, *-тын/-тен*, *-нан/-нән* и частицу *-ук/-үк*.

Например, в мишарском диалекте татарского языка данная деепричастная форма, в отличие от татарского литературного языка, сочетается с аффиксами исходного падежа и частицей *-ук/-үк*: *Карабодай элгергәцтән, бал булырга тийеш – Мед должен появиться, когда поспеет гречиха* и т.д. [11, с. 184].

Форма на *-гач/-гәч* в отмеченном выше диалекте татарского языка, сочетаясь с частицей *-ук/-үк*, передает значение местонахождения предмета: *Бер күпер цыккац ук безнен ызба – Как только пройдешь мост, (будет) наш дом* и т.д. [там же, с.184].

Небезынтересен тот факт, что в диалектах татарского языка отрицательный аспект деепричастной формы на *-гач/-гәч*, при выражении ею значения времени или условия выполнения действия, образуется посредством аффикса *-мый/-мий*, *-мыйча/-мичә*.

Деепричастие прошедшего времени на *-гач/-гәч* в языке сибирских татар встречается редко и выступает в фонетических вариантах *-гац/гәц*, *-кац/-кәц*. Это деепричастие в языке сибирских татар иногда выступает в фонетическом варианте *-гацын*, *-гасын*.

Приведем примеры: *Кейәү гөл, көн тугац цәцәги зойылып төшәти – Жених-цветок, когда наступает день, его цветы осыпаются*; *Койаш цыккасын та торатык – Как только восходит солнце, мы встаем* [24, с. 85].

Из примеров следует, данная деепричастная форма в языке сибирских татар, подобно другим тюркским языкам, обозначает действие, предшествующее основному действию.

В уйгурском языке деепричастие на *-гач/-гәч*, подобно татарскому языку выражает действие, предшествующее другому действию: *Шәхәргә кайткач көрдүм – Я увидел это после того, как вернулся в город* [15, с. 90]; *yer yüzige işiki keñ éçilgac – Когда его дверь откроется миру* [34, 108].

В современном уйгурском языке исследуемая форма употребляется в составе некоторых сложных глаголов. Например: *алгач кәлдим - я принес* и т.д. [там же, с. 90].

В некоторых тюркских языках кыпчакской группы деепричастие на *-гач/-геч* имеет фонетический вариант *-гаш/-геш*, *-каш/-кеш*.

Так, в языке желтых уйгуров деепричастие на *-гач/-геч* выступает в фонетическом варианте *-җаш/-геш*, *-каш/-кеш* – *йагмыр йаккаш* – как только полил дождь [23, с. 34].

В тофаларском языке форма на *-гач/-геч* также выступает в фонетическом варианте *-каш/-гаш*. Подобно другим тюркским языкам это деепричастие также обозначает действие, непосредственно предшествующее действию основного глагола. Например: *Он келгеш соодады* – он пришел и рассказал [18, с. 178].

Отрицательный аспект деепричастия на *-каш/-гаш* в тофаларском языке образуется посредством аффикса *-пааш/-пәәш*, *-бааш/-бәәш*, *-вааш/-вәәш*: *аннавааш* – не охотившись, *гелбәәш* – не придя и т.д. [19, с.144].

Деепричастная форма на *-гач/-геч* в узбекском языке выступает в функции сказуемого в придаточных времени: *Камтир йиглаб юборгач*, *Асроркулнинг аччиги келди* – Когда старуха заплакала, *Асраркул рассердился* [3, с. 23].

В староузбекском языке также зарегистрировано исследуемое деепричастие – *аны көргәч* – увидев его и т.д. [10, с.31].

Отличие от современного узбекского языка, в староузбекском языке форма на *-гач/-геч* в основном употреблялась в придаточных причины.

В башкирском языке форма на *-гач/-геч* в фонетическом варианте *-кас/-кәс*, *-гас/-гәс*.

Деепричастие на *-кас/-кәс*, *-гас/-гәс* довольно широко распространено в современном башкирском языке и образуется от любой глагольной основы. Эта форма в основном обозначает относительное время. Деепричастная форма на *-кас/-кәс*, *-гас/-гәс* в башкирском языке выражает предшествование как условие, при котором совершается последующее действие. Исследуемая деепричастная форма, выражая предшествование, нередко сочетается с усилительной частицей *та/тә* или *гына/генә* (ограничительной).

В отрицательном аспекте это деепричастие выражает причинно-следственную обусловленность предыдущего или последующего действий.

Рассмотрим пример: *Үз куззәрем менән күрмәгәс, ныкышманым – Раз не видел собственными глазами, не стал настаивать* [1, с.12].

Как известно, деепричастные формы в башкирском языке не сочетаются с аффиксами числа, лица, времени. В отличие от литературного башкирского языка, в восточном диалекте данного языка деепричастие на *-кас/-кәс, -гас/-гәс*, как в положительной, так и в отрицательной формах, принимает аффиксы лица и числа: *алгасым-я получив, алгастары - они получив* и т.д.

В связи с этим, небезынтересно воззрение Н.Х. Максютовой: «Данная особенность возводится к древнейшей форме племенного языка тамьян и кыпчаков» [9, с. 279].

В караимском языке рассматриваемое деепричастие наблюдается в фонетическом варианте *-гъачох, -гячох, -качох, -кячох* и также выражает действие, предшествующее действию основного глагола: *чыхкачох - как только вышел, эшиткячох - как только услышал* [14, с. 61].

Форма на *-гач/-геч* в чулымско-тюркском языке употребляется лишь в значении условия совершения действия основного глагола: *Мене алгач алгыл тайга – Если меня берете, то берите в тайгу* [4, с. 92].

Несколько иначе обстоит дело в якутском языке. В якутском языке деепричастию на *-гач/-геч* соответствует деепричастие на *-аат*.

Некоторые тюркологи придерживаются гипотезы о монгольском происхождении якутского деепричастия на *-аат*, другие же связывают его с тюркским деепричастным аффиксом *-гач/-геч*.

Монгольское происхождение деепричастного аффикса *-аат* отмечалось Н.П.Поп-пе, В.Л.Котвич и др. [16, 8].

Указывая на монгольское происхождение якутского деепричастия на *-аат*, Н.Н. Поппе отмечал, что в связи с заимствованным характером аффикса язык не успел окончательно образовать отрицательную форму данного деепричастия [16, с. 64].

Аффикс *-аат* якутского языка, по В. Радлову, не имеет ничего общего с аффиксом *-гач*, так как, общетюркский *-č* в якутском соответствует *-s*, а не *-t* [21, с. 480]. Аналогичного мнения придерживается также и Г. Рамstedт [35, с. 107-108].

В частности, в монгольских языках существует деепричастие, именуемое разделительным. В бурятском языке разделительное

деепричастие также образуется посредством аффикса на *-aad* (*-ood*, *-өөд*, *-ээд*) и т.д. [17, с.127].

Данные деепричастные формы в монгольских языках семантически обозначают действие, предшествовавшее действию основного глагола. С якутским деепричастием на *-aam*, как видно, полного совпадения не наблюдается, но прослеживается некоторая семантическая близость.

Общеизвестно, что якутский язык долгое время контактировал с монгольскими языками, вследствие чего большинство фонетических, лексических и грамматических признаков этих языков перешли в него. С этой точки зрения вполне реально монгольское происхождение якутского деепричастного аффикса на *-aam*.

Е.И.Убрятова интерпретирует происхождение якутского аффикса на *-aam* следующим образом. Так, Е.И. Убрятова связывает это деепричастие с тюркской деепричастной формой на *-gach/-gеч*.

В связи с этим, приведем следующее высказывание Е.И. Убрятовой: «Фонетически такое сопоставление вполне оправдано. В якутском языке имеются и другие аффиксы: с начальным *ɟ*, которое выпало и дало долгий гласный (ср., например, аффиксы *-ɟax*, *əx*), конечное *-с* аффиксов, образовавшееся из *-ш*, *-з*, *-ч*, во многих случаях перешло в *-т* (*-быт* из *-мыш*, *-бат* из *-маз*, *-быт* из *-быз* и т.д.)» [26, с. 44].

Общность якутского деепричастия на *-aam* и тюркского деепричастия на *-gach*, по-мнению Е.И.Убрятовой, подтверждается их способностью принимать падежные аффиксы [там же, 43-44].

Деепричастие на *-aam* в якутском языке принимает аффикс родительного падежа, сочетаясь при этом с послелогом *кытта* (*кытары*).

Форма на *-gach/-gеч* в некоторых тюркских языках и их диалектах также принимает падежные аффиксы.

Так, в мишарском диалекте татарского языка рассматриваемая деепричастная форма сочетается с аффиксами исходного падежа *тан/-тән*, *-тын/-тен*, *-нан/-нән* и частицей *-ук/-үк*: *Карабодай элгергәцтән, бал булырга тийеш – Мед должен появиться, когда поспеет гречиха* и т.д. [11, с. 184].

Деепричастие на *-gac* в башкирском языке также принимает аффиксы исходного падежа: *уйлагастан – подумав*, *күргәстән – увидев* и т.д.

В тувинском языке рассматриваемая форма сочетается не только с аффиксами исходного, но и местного падежей: *келгеш – придя, келгеште, келгештен* и т.д.

Исследуемая форма, по Н.К.Дмитриеву «...очевидно, сохранилась от той эпохи, когда деепричастие еще могло склоняться, т.е. не окончательно превратилось в отглагольное наречие» [5, с.186].

«...Тунгусский суф. *-ksa~kso~kse*, который выражает то же самое, как отмечает Э.Р. Тенишев, является как бы промежуточной формой, особенно если предположить, что *-ksa* мог иметь вариант **kas*». Далее он подчеркивает: «... Не менее часты явления чередования в исходе слова согласного *ç* с *s* в тюркских языках и *t* с *s* – монгольских. Таким образом, все наз- ваные суффиксы (тюрк. *-qaç*, монг. *-Yad*, як. *-a:t*, тунг. *-ksa*), вероятно, могут быть включены в состав одной группы» [21, с. 480-481].

В якутском языке форма на *-aam* обозначает действие, предшествующее действию основного глагола: *бараам – как только ушел* [26, с. 44].

В отличие от тюркских языков, в якутском языке деепричастие на *-aam* не имеет отрицательной формы.

Компаративный анализ якутского деепричастия на *-aam*, тюркского на *-gac* и монгольского на *-aad* показывает, что эти аффиксы семантически не совпадают полностью. Так, доминирующим значением формы на *-gac* в тюркских языках является обозначение предшествования данного действия другому. Деепричастие на *-gac*, сочетаясь с усилительной частицей *-ma/-mэ*, передает значение, семантически близкое к якутской деепричастной форме на *-aam*. В данном случае форма на *-gac* передает действие, вслед за которым сразу же следует действие, выраженное основным глаголом.

Касательно монгольского деепричастия на *-aad* отметим, что оно выражает общее предшествование основному действию, без оттенка быстротечности, который характерен для формы на *-aam* в якутском языке: *Муур удаад дьэжээ – кошка ушла, насытившись* [7, с. 64].

Подытоживая результаты сравнительного анализа тюркского деепричастия прошедшего времени на *-gac/-geç*, отличающегося общими и дифференциальными фонетическими, морфологическими и синтаксическими свойствами, можно отметить, что исследуемая форма функционирует в основном в тюркских языках кыпчакской, карлукской и уйгуро-огузской групп. В огузской группе тюркских

языков и в древнетюркском языке деепричастие на *-gac/-geç* не зарегистрировано.

Однако, в Дрезденском экземпляре рукописи героического эпоса огузов *Китаби Деде Коркут* зарегистрированы случаи использования деепричастия на *-gac/-geç* с глаголом *-di* со значением - *как только, когда: digeç (D 19,13) – как только сказал* и т.д.

Наряду с этим, деепричастная форма прошедшего времени на *-gac/-geç* наблю-дается также в произведениях выдающегося азербайджанского поэта 16 века Физули.

Исследуя факты тюркских языков и их диалектов, можно прийти к выводу, что деепричастие прошедшего времени на *-gac/-geç* характеризует действие во временном, причинно-следственном отношении, а также действие, предшествующее действию основного глагола, а также сочетается с аффиксами исходного и местного падежей. В якутском языке данная деепричастная форма принимает аффиксы родительного падежа.

Отметим, что во всех привлеченных к комплексному анализу тюркских языках деепричастие прошедшего времени на *-gac/-geç* функционирует в различных фонетических вариантах (*-каш/-гаш, кас/-кэс, -гас/-гэс, -гъачох/-гячох/-качох/-кячох, гац/-гэц/-кац/-кэц* и др.).

ЛИТЕРАТУРА:

1. Абдуллина Г.Р. Категория неличных форм глагола башкирского языка // Научный журнал Томского государственного университета. Г. № 321. Томск, Апрель 2009 г. - с. 7-13
2. Алиев В. Неспрягаемые формы глагола в азербайджанском языке: Автореферат кандидатской диссертации по филологическим наукам, Баку, 1989. - 57 с.
3. Аскарлова М. Деепричастие в современном узбекском языке // Труды Ташкентского государственного педагогического института имени Низами. Том.2. Ташкент; Государственное образовательное Издательство УзССР, 1954. - с. 16-28
4. Бирюкович Р.М. Морфология чулымского тюркского языка. П. П. Саратов; Изд-во Саратовского университета, 1981. - 184 с.
5. Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. М.-Л.; Издательство Академии Наук СССР, 1948. - 276 с.

6. Кононов А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. -М.-Л.; Академия Наук СССР Изд., 1960. - 446 с.
7. Коркина Е.И. Деепричастия в якутском языке. - Новосибирск; Наука, 1985. - 204 с.
8. Котвич В. Исследования по алтайским языкам. – Москва; Издательство иностранной литературы, 1962. – 373 с.
9. Максютлова Н.Х. Восточный диалект башкирского языка (в сравнительно-историческом освещении). – Москва; Наука, 1976. - 292 с.
10. Матгазиев А. Исследование по морфологии староузбекского языка (конец XVIII - до семидесятых годов XIX века): Автореферат кандидатской диссертации по филологии, Ташкент, 1979. - 41 с.
11. Махмутова Л.Т. Опыт изучения тюркских диалектов (Мишарский диалект татарского языка). - Москва; Наука, 1978. - 271 с.
12. Мешадиева А.Э. Структурно-семантические и синтаксические особенности деепричастных форм на *-dikça⁴* в современных тюркских языках // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Номер 2 (23). Иркутск, 2013. - с. 161-168.
13. Мешадиева А.Э. К вопросу о деепричастной форме на *-gali/-geli* в тюркских языках // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. № 1. Пятигорск, 2014. - с. 71-75.
14. Мусаев К.М. Краткий грамматический очерк караимского языка. – Москва; "Наука", 1977. - 100 с.
15. Наджип Э.Н. Современный уйгурский язык. - М.; Издательство Восточной литературы, 1960. - 133 с.
16. Поппе Н.Н. Учебная грамматика якутского языка. – Москва; Центральное Издательство народов СССР, 1926. - 120 с.
17. Поппе Н.Н. Грамматика письменного монгольского языка. – М.-Л.; Издательство Академии Наук СССР, 1937. - 198 с.
18. Рассадин В.И. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. – Москва; Наука, 1978. - 287 с.
19. Рассадин В. И. Тофаларский язык и его место в системе тюркских языков. - Элиста: Издательство Калмыцкого университета, 2014. - 218 с.

20. Серебренников Б. А., Гаджиева Н.Г. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. - М.; Наука, 1986. - 285 с.
21. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. – Москва; Наука, 1988. - 558 с.
22. Татарская грамматика. Морфология I. II. - М.; Татарское книжное издательство, 1993. - 397 с.
23. Тенишев Э.Р., Тодаева Б.Х. Язык желтых уйгуров. - Москва; Наука, 1966. - 84 с.
24. Тумашева Д.Г. Язык сибирских татар. II. 2. - Казань; Издательство Казанского университета, 1968. - 182 с.
25. Тумашева Д.Г. Татарский глагол: (опыт функционально-семантического исследования грамматических категорий): учебник. - Казань; Издательство Казанского университета, 1986. - 189 с.
26. Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка. Ч. II. - Новосибирск; Наука, 1976. - 214 с.
27. Хасанова Л. М. Система деепричастных форм глагола в башкирском языке: Автореферат кандидатской диссертации по филологии, Уфа, 2010. - 21 с.
28. Хисамова Ф. М. Морфология татарского языка. – Казань, "Магариф" 2006,. - 335 с.
29. Юсупов Ф. Я. Морфология татарского диалектного языка: Категория глагола. - Казань; Фен, 2004. - 592 с.
30. Akalın M. *Tarihî Türk Şiveleri*, Ankara: 1988, Türk Kültürünü Araştırma Enstitüsü
31. Akyüz K. ve diğerleri (eds), *Fuzûlî Divanı*, Ankara: 1990, Akçağ yayınları, 500 s.
32. Eckmann J. (Çeviren: Günay Karaağaç), *Çağatayca El Kitabı*, Ankara: 2003, Akçağ yayınları.
33. Ergin M. *Dede Korkut Kitabı I Giriş-Metin-Faksimile*, Ankara: 1989, TDK yayınları.
34. Öztürk R. *Yeni Uygur Türkçesi Grameri*, Ankara: 1994, TDK yayınları.
35. Ramstedt G. Über die konjugation des Khalkha-Mongolischen. - MSFO, Suomalaie-ugrilaisen Seuran toimituksia XIX. - Memoires de la Soaibte Finno-ougrienne XIX. – Helsinki; Osnabrock Otto Zeller, 1968 - 126 p.

Aynel Məşədiyeva

**Türk dillərində və dialektlərində bəzi keçmiş zaman
feili-bağlama şəkilçilərinin tarixi inkişafı
Xülasə**

Bu məqalədə türk dillərində və onların dialektlərində *-qaç/-qeç* keçmiş zaman feili bağlama şəkilçisinin tarixi inkişafı öyrənilir. Tədqiqat bu feili bağlamanın müxtəlif fonetik variantlarını, oxşar və fərqli cəhətlərini və onun işlənmə xüsusiyyətlərini aşkar etməyə imkan verir. Türk dillərində və onların dialektlərində *-qaç/-qeç* şəkilçili keçmiş zaman feili bağlama formasının müqayisəli təhlili göstərir ki, araşdırılan feili bağlamanın spesifikası türk dillərinin qrammatik sisteminin formalaşmasının tarixi şərtlərindən asılıdır. Məqalənin nəticələri türk dillərinin morfoloqi-yasının təsviri zamanı və araşdırılan mövzu üzrə dərs vəsaitlərinin tərtibində istifadə oluna bilər.

Aynel Meshadiyeva

**Historical development of some Past Tense adverbial participle
affixes in Turkic languages and dialects**

Abstract

The paper examines historical development of past tense adverbial participle affix ending in *-gach/-gech* in Turkic languages and their dialects. The research demonstrates the different phonetic variants, similar and differential features of this past tense adverbial participle form and peculiarities of its usage. The comparative analysis of past tense adverbial participle form ending in *-gach/-gech* in Turkic languages and dialects shows that the specificity of this form depends on historical conditions of functioning and formation of grammatical system of Turkic languages. The results of this study can apply in description of the morphology of Turkic languages, and in the preparation of textbooks on the subject.